

Фернандо Пессоа (1888-1935) – португальский гений, писатель с глубочайшим философским мышлением, тонкий лирик, оставил после себя колоссальное неопубликованное наследие. Интереснейшим нововведением Пессоа в мировую литературу было создание им гетеронимов. Это – не просто «маски Пессоа», но настоящие яркие авторы, у каждого из которых была своя биография, свой литературный «почерк», свои взгляды, собственная подпись, свой характерный внешний облик: их «создатель» позаботился обо всём. Сам Пессоа вступал со своими гетеронимами в дискуссии, писал о них критические статьи, то же самое делали и они в отношении него. Пессоа был настоящим драматургом, но его пьеса была «драмой в лицах», драмой, в которой действовали писатели, создающие собственные поэтические и прозаические творения. Главные гетеронимы Пессоа – Алберту Казейру, Алвару де Кампуш и Рикарду Рейш. Бернарду Суареш, которому Пессоа отвёл роль автора своей самой глубокой, самой знаменитой книги прозы – «Книги непокоя», считается полугетеронимом Пессоа, он, по словам своего создателя, не обладая личностью Пессоа, не обладал также и собственной, скорее, это был сам Пессоа «минус разум и чувствительность».

Рикарду Рейш – герой романа Жозе Сарамагу (1922-2010) «Год смерти Рикарду Рейша». Но некоторые литературные критики убеждены: Сарамагу в этой книге написал не портрет Рейша, а свой собственный. Рейш –

Рикарду Рейш

Кто над нами парит, боги ли, ангелы...

Кто над нами парит, боги ли, ангелы,
Кто мерцает во тьме призраком реющим,
То чужие присутствия
Управляют и властвуют.

Так и скот на полях – нашим велением,
Что ему не понять, он понуждается.
Скот мы можем откармливать
И вести на заклание.

Воля наша и ум – руки покорные,
И за них нас ведут – властью неведомой
По её усмотрению, –
Не куда нам хотелось бы.

16-10-1914

личность достаточно загадочная, это наименее изученный гетероним Пессоа. Мнение португальских исследователей громадного наследия Пессоа разделилось с самого начала: одни считали его жалким эпигоном, подражателем Горацию, другие, к ним относился и друг Фернандо Пессоа – Мариу де Са-Карнейру, сразу разглядели в нём самого глубокого, оригинальнейшего автора и назвали его «португальским Горацием». В настоящее время практически не осталось «противников» Рейша, всё больше появляется серьёзных научных исследований, в которых отдаётся должное его утончённым классическим одам, его гордой и горькой философии, его религии – «новому португальскому язычеству». Всё новые интертекстуальные связи с мыслителями древности и современными философами обнаруживают в поэзии и прозе этого гетеронима литературные критики. Необыкновенно красивы его оды, в них частично используются такие античные ритмы, как малая сапфическая строфа, асклепиадова и алкеева строфы, гекзаметр. Чаще же Рейш строил собственные ритмы на основе античной греко-латинской и английской метрической системы.

В этой небольшой подборке я хочу познакомить читателя с несколькими одами Рикарду Рейша.

Ирина Фещенко-Скворцова

На травах след недолгий ушедшего...

На травах след недолгий ушедшего,
Утихший звук, что полем не стелется,
Абрис выписан сумраком,
След, от судна струящийся –

Душа оставит в душах не более,
Уйдя. Забудет воспоминание.
Мёртвый – вновь умирающий.
Мы – лишь наши, о, Лидия.

Presença, n 10. Coimbra: Mar. 1928.

Многие радость вкушают от радости...

Многие радость вкушают от радости
Радость вкушать – и её же не ведают,

Тиха волна, оставлена отливом...

Тиха волна, оставлена отливом,
Тяжёлая отступит. Всё в покое.
Шум людской лишь слышится
Под луной сияющей.

Неера, Хлоя, Лидия, вы все мне
Сегодня чужды: речи я внимаю,
Речи тайной, сказанной
Тишиной таинственной.

Держу в руках мою судьбу, как череп,
Иль ключ от склепа, мне совсем не нужный,
Рок свой ненавижу я,
Сердцем не приняв его.

Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг...

Из поля, Аполлон, сотворил ты вмиг –
Зелёный край, охваченный золотом,
И танец, будто, нас окружит
Жизнь ощущаем остро.

Не бурной, но со сложными ритмами,
За ними наше чувство последует,
Как нимфа, вторя всем движениям
В строгом рисунке танца...

А вечером, как поле окажется
Империей, захваченной тенями –
Их легион на марше этом –
Пусть этот день забудем,

И пусть у нас останется в памяти
Тот новый бог с земли, нам открывшейся,
Он в нас остался от покоя
Дня, что умчался в вечность.

Волны бег свой стремят, волны поспешные...

Волны бег свой стремят, волны поспешные,
Вновь их зелень кипит вечным движением,
Их шипящею пеной
Пляжи будто заснежены.

Тучи бег свой стремят, тучи спокойные,
Путь круглят в вышине, ширят движение,
Солнце греет пространство
Между тучами скудными.

Что спокойному дню наше присутствие?
Равнодушен и я в это мгновение,
Мне почти незаметно
Ускользание времени.

Только смутная грусть, мимо сознания,
Медлит возле дверей дома души моей
И, взглянув мимолётно,
Исчезает с улыбкою.

Ты, утро, восходя, меня не видишь...

Ты, утро, восходя, меня не видишь,
Ты, солнце, светишь, обо мне не зная,

Напоказ разделяемой,
Чтоб дивились сторонние.

Лидия, ах! Одевание дивное
Сшито для радости неразделяемой,
Мы не можем дарить её,
Чтоб вкусили и прочие.
Каждый – один, и пусть – нужен другой ему,
Вкусит он радость с ним, но не разделит с ним.
Слушай слова учителя:
Тела, чем ограничен ты.

9-10-1927

Коль увижу: листья блестят под солнцем...

Коль увижу: листья блестят под солнцем,
Ветер лёгкий волосы мне развеет, –
Мне ничего не надо.

Что Судьба мне может вручить дороже
Той ошибки чувственной – жизни брэнной
Средь темноты незнаний?

Яд сомненья в розы мы льём. Доходит
Половина смысла в сознание наше,
Мысля, его теряем.

Непонятен замысел нам природы:
Ширит поле, тянет цветок и полнит
Плод – тут и смерть приходит.
Все пойму причины, коль есть причины,
В миг, как смерть в мой разум войдёт хозяй-
кой,

И не смогу я видеть.
Что же до причины, зачем живём мы,
Не найдём её, нам искать не надо,
Глупо и неуместно.

Тот мудрец – воистину, кто не ищет,
Кто находит пропасть во всём, что видит,
Даже в себя не веря.

16-6-1927

Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть...

Сон хорош: нам сладко, проснувшись, видеть,
Что хорош. И смерть, коли сну подобна,
От неё пробудимся,
Если ж нет, и не сон то,

Жизнью всею смерть мы прогнать стремимся
В час, пока в телах обречённых наших
Длит тюремщик невемый
Срок наш, нам неизвестный.

Я не знаю, Лидия, что за смертью,
Жизнь страшней, и, всё ж, выбираю жизнь я,
Розы рву для тебя я –
Дар судьбы незаметной.

19-11-1927

Расцветает ты вновь красками чудными...

Расцветает ты вновь красками чудными,
О, большая земля, летом и вёснами,
Радостью полно поле.

Только дремлет в полях осень недалняя,
Зреет в листьях зима, в свежей их зелени.
Смерть в каждом дне таятся.

9-10-1927

6-7-1927

11-8-1914

23-11-1918

Но, ведь, вы – реальные
Оттого, что вижу вас.

Ведь собственным желаньям вопреки я
Живую сущность чувствую в природе,
А в её величии –
Всё своё ничтожество.

И это делает меня великим,
Как ту волну, что буря бросит в воздух,
Что назад воротится –
Вглубь – отяжелевшая.

23-11-1918

Бегство дня так нежно сегодня длится...

Бегство дня так нежно сегодня длится,
Будто нет нас, Лидия, не живём мы.
Нет сомнения, боги
Час даруют нам этот.

И в награду высшую вере нашей
В то, что боги – сущие – там, далёко,
Дан подарок чудесный:
Мы, как званые гости,

Их покой наследуем величавый,
Миг один владеем мы их искусством
Жизнь прожить – без остатка –
В миг один лишь, единый.

В миг один лишь, Лидия, отстранившись
От земных невзгод, наконец, получим
Олимпийскую радость
Что нисходит к нам в души.

Миг один лишь чувствуем: мы бессмертны,
Боги мы, в спокойствие облачившись,
В гордое безразличье
Ко всему, что проходит.

И венцом лавровым победы нашей,
Одного лишь дня посвященьем светлым
Будем долго хранить мы
И в морщинистом «завтра»

Достоверный факт и весомый довод,
Что один лишь миг нас любили боги.
Час, подаренный ими,
Был не наш, олимпийский.

Не воротится, не обернёт Орфеем...

Не воротится, не обернёт Орфеем
Лица Сатурн своего.
Лоб суровый его признаёт одно лишь:
Шествие будущих дней.
Нет для нас достоверней мгновенья, в кое
Истинным мыслим его.
Но мудрее, не мысля, творить мгновенье,
Истину черпая в нём. -

31-5-1927

Не молит ни о чём твоих рук мрамор...

Не молит ни о чём твоих рук мрамор,
Не судит ни о чём твоих губ немость –
В погребке удушливом
Под землёю влажною.
Улыбка только та, с какой любила,
Бальзам пролёт, и в память ты из дали
Входишь прежней будучи
Ныне смрадным гноищем.
То имя, что носило тело в жизни,
Как и душа твоя, уже забыто,
Одой воскрешённая –
Лишь улыбкой помнишься.

5-1927

Вернётся ль на ветвь лист оторвавшийся...

Вернётся ль на ветвь лист оторвавшийся,
Любая вещь – к основе потерянной?
Мгновенье, только что начавшись,
Умерло безвозвратно.
И даст мне будущее не более,
Чем опыт этот, что повторяется,
Земной судьбы, потери горькой
Всех моих дней и жизни.
Затем и в реке, всем нам назначенной,
Теку не одной, многими волнами,
Без просьб, без тех богов, кто мог бы
Просьбы мои услышать.

28-9-1926